

Алдравит. 2003. - авг. (№ 8). - с. 29.

Из суеты и толчеи Нового Арбата так необычно попасть в тишину "волшебного дома" в Борисоглебском переулке. Стены исписаны стихами, скрипят старые половицы, каждая вещь хранит запах времени и пыли, а посетители говорят только шёпотом. В этом двухэтажном доме Марина Цветаева снимала самую причудливую квартиру, состоящую из семи комнат в три яруса.

Марина Цветаева с дочерью Алей.

маленькими дочерьми. Сестра Анастасия – в Феодосии, Сергей Эфрон сражается против большевиков в рядах Добровольческой армии. Связь с мужем удаётся поддерживать лишь благодаря счастливым случаям. Тревога не отпускает ни на минуту.

Верхний ярус квартиры занимают красные командиры, которые развешивают своё бельё в той же кухне, где живёт в эту зиму Цветаева с детьми.

Есть нечего. Цветаева вместе с Константином Бальмонтом, который часто помогал ей в то время, везёт домой на детских санках мёрзлую картошку – единственное, что ей выдали на её новой службе в отделе информации Народно-комиссариата по делам национальностей.

Нет дров. Приходится рубить и разламывать домашнюю мебель, чердачные балки и лестничные доски. Однажды

заболевает – малярией, пневмонией и чесоткой – и мать привозит её домой.

Пока Цветаева боролась за жизнь старшей дочери – без денег, без лекарств – в приюте умерла от голода младшая, не дожив до трёх лет.

И ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ МАРИНА Цветаева, всё так же упиравшись лбом в ладонь, писала стихи, поэмы, пьесы. Действие ни одной из цветаевских пьес, написанных в то время, не происходит в современности. Она мысленно уходит мечтами в восемнадцатый век и перемещает туда всех окружающих её людей, чтобы спастись самой и спасти их от настоящего...

Только в 1922 году, узнав, что муж жив, Марина Цветаева собирает все оставшиеся вещи, пишет прощальные стихи и поэму "Переулучки" – прощание с Москвой – и уез-

Ледниковый период в жизни поэта

Шаткий корабль

Мария Бодрягина

КОГДА В 1914 ГОДУ ЦВЕТАЕВА с мужем Сергеем Эфроном и двухлетней дочкой Ариадной въехали в эту квартиру, у них было шесть человек прислуги и тысяча рублей золотом – обеспеченная безбедная жизнь. Совсем не с таким багажом уезжала Цветаева из неё через восемь с половиной лет.

Для Марины Цветаевой это был "дом-корабль", в котором каждая комната имела своё имя. Она называла квартиру "диккенсовской", "коробкой сюрпризов", "сборищем комнат".

В дореволюционные годы здесь всегда было очень много народу. В большой гостиной с типично арбатским световым колодцем в потолке, которая получила название "синяя лунность", собиралась вся семья. Здесь всегда было светло, на стене сияли синие бра, горел большой мраморный камин. В соседней музыкальной комнате-шкатулке без единого окна стоял белый рояль Марии Александровны Мейн – матери Марины Цветаевой. Здесь же во время революции Марина Ивановна с детьми пряталась от обстрелов.

Самой большой и светлой была детская комната, где жили Аля и Ира. Здесь всегда было много цветов и зверей, летали

птицы, ползала черепаха, бегали коктейльный кот Кусака и пудель Джек. Именно эта комната первой опустела в холодную революционную зиму, когда на обоях стал появляться лёд.

Сергей Эфрон поселился наверху, где находился "чердачный дворец", из которого можно было выбраться на крышу и в котором казалось, что пол качается, как палуба корабля. Сюда и перебралась Марина Цветаева с детьми, когда находится в других комнатах стало уже невозможно из-за мороза. Здесь зимой 1918–1919 года она принимала вахтанговских студийцев, художников, московских поэтов. Именно здесь происходило то, что было так живо и остро описано в "Повести о Сонечке", посвящённой одной из вахтанговских учениц – Софье Голлидэй.

Один из частых посетителей, Павел Антокольский, вспоминал:

"С первого взгляда эта тесная мансарда показалась мне чем-то вроде каюты на старом паруснике, ныряющем вне времени, вне географических координат где-то в мировом океане. ...ощущение каюты было очень явственным, так что над крышей мерещился надутый парус и сквозь воображаемые, плохо задраенные иллюминаторы

к нам проникали брызги летящего времени".

САМА МАРИНА ЦВЕТАЕВА выбрала себе одну из самых необычных комнат. Она находилась по соседству с детской, одновременно прямо под чердачной, и называлась "морским дном". В этой небольшой одиннадцатигульной комнате было только одно глубокое окно, перед которым стоял "письменный верный стол", подаренный отцом на шестнадцатилетие, когда уже стало ясно, что дочь – поэт.

Именно здесь Цветаева жила и работала. Заперев двери и забыв дела, наливала себе кружку чёрного кофе, время от времени прикуривала от зажигалки, упиралась лбом в ладонь и писала. Только закрыв тетрадь, она открывала дверь и выходила в тяготы и радости обычного дня.

"Забегать туда "просто так" не разрешалось. В многоугольную, как бы гранёную, комнату эту, с волшебной елизаветинской люстрой под потолком, с волчьей – немного пугающей, но манящей – шкурой у низкого дивана, я вошла с холодком робости и радости в груди..." – писала Ариадна Эфрон в воспоминаниях.

Но всё изменилось. Корабль начал тонуть.

В 1919 году Марина Цветаева живёт здесь одна с двумя

Цветаевский дом.

по чёрному ходу, который никогда не запирался, в дом вошёл вор, но, увидев нищету обстановки, ничего не взял и даже сам предложил помощь.

Марина Цветаева, видя, что не может прокормить детей, по совету знакомых на время отдаёт Алю и Иру в кунцевский детский приют для детей красноармейцев, где, как она слышала, хорошо кормят. В скором времени Аля серьёзно

жует к Сергею Эфрому в Берлин. Чтобы вновь вернуться в Россию лишь в 1939 году и не найти здесь себе места.

– А что с Вами будет, как выйдут дрова?
– Дрова? Но на то у поэта слова
Всегда – огневые – в запасе!
Нам нынешний год не опасен... ■

Цветаева Мария Александровна

14.31.08.03 (авг.)